Доннеллан Деклан (англ. реж.)

29.06.04

148

№ 114 (26671)

ДЕКЛАН ДОННЕЛЛАН, АНГЛИЙСКИЙ РЕЖИССЕР:

КАЖДАЯ БАБУШКА В КОРИДОРЕ ПО НАТУРЕ ЗВЕЗДА

Известия. — 2004 - 29 июня - с. 9.

В Москве состоялся показ спектаклей знаменитого английского режиссера Деклана Доннеллана. Из Англии привезли спектакль «Отелло» труппы Доннеллана «Чик бай джаул», и москвичам предоставили возможность еще раз увидеть спектакли «Борис Годунов» и «Двенадцатая ночь», которые показывают нечасто. Организатор показа — Международная конфедерация театральных союзов. Сейчас режиссер проводит кастинг для спектакля «Три сестры». С ДЕКЛАНОМ ДОННЕЛЛАНОМ встретился корреспондент «Известий» АРТУР СОЛОМОНОВ.

«АКТЕР — НЕ ВОДОПРОВОДЧИК, СЫГРАТЬ РОЛЬ — НЕ КАНАЛИЗАЦИЮ ПОЧИНИТЬ»

— Как проходит кастинг на «Трех сестер»? Каким образом актеры попадают на него?

— Кастинг организован Международной конфедерацией театральных союзов. Каким образом актеры на него попадают — я понятия не имею. Если я смотрю слишком много артистов, я окончательно запутываюсь. Но я очень доволен уровнем актеров, которые приходят на кастинг.

— Какие имена вы уже можете назвать?

ФОТО ИГОРЬ ЗАХАРКИН «ИЗВЕСТИЯ»

— Только одно имя: это Александр Феклистов, который сыграет Вершинина. Кастинг продолжается, и мне следует еще подумать, прежде чем принять решение.

— Вы на довольно долгий срок прекратили работать со своей труппой «Чик бай джаул», объяснив это тем, что нуждаетесь в новом театральном опыте. Актеры не почувствовали себя покинутыми?

— Нет, не почувствовали, потому что у нас совсем иная система найма актеров, чем в России. Все английские актеры работают в системе антрепризы. В любом театре Англии на постоянной основе работают только администрация и техники. Наши артисты обычно убегают в никуда, стараясь сняться в максимуме фильмов и телефильмов. И тут я бы хотел сказать маленькую речь *(смеется)*. Мне кажется, что русский театр тем и прекрасен, что у вас есть репертуарная система. Во всех столицах мира есть блистательные актеры, настоящие звезды. Этим русский театр от других театров не отличается. Ваш театр не выделяется в мировом масштабе актерскими индивидуальностями. Ваша уникальность — в великих труппах, великих ансамблях. И это одна из главных причин, почему я работаю в России. Мне нравится работать с русскими. Артисты из репертуарных театров прекрасно понимают, что такое работа в ансамбле, даже в новом, незнакомом. Мне кажется, сейчас российский репертуарный театр находится под огромной угрозой из-за свободной рыночной экономики. По-моему, вашему правительству следует как можно активнее поддерживать русский репертуарный театр. Потому что вы сотни лет занимались его развитием, а разрушить эту систему — ничего не стоит. О репертуарной системе нужно заботиться, а артисты-звезды в состоянии позаботиться о себе сами.

— Недавно я купил вашу книгу «Актер и мишень»...

— Я очень рад, что вы ее купили. Я тоже собираюсь это сделать.

— Можно в нескольких словах объяснить, что вы называете мишенью?

— В нескольких словах, конечно, не выйдет, ведь я для этого и написал книгу. Вот сейчас вы смотрите на меня, и я спрашиваю: «Когда выйдет наше интервью?» Видите, вы отвели взгляд и словно ищете дату, когда интервью будет опубликовано. И хотя эта дата у вас в голове, вы отведете от меня глаза и попытаетесь найти ее где-то вне себя. Это ведь странно, не так ли? Хотя дата у вас в голове, вы ищете ее во внешнем мире. Даже если я безумно волнуюсь, ни на что не обращаю внимания, я все равно вижу что-то, что находится вроде бы в моем воображении, но я все равно ищу это во внешнем мире. Назовем это мишенью. Ее присутствие настолько явно, что всегда есть шанс о ней забыть. Живое существо, если обладает сознанием, всегда имеет мишень. Это ничего общего не имеет с мотивацией, действием, сверхзадачей.

— То есть задача режиссера — сделать так, чтобы актер постоянно менял необходимые для роли мишени?

— Честно говоря, я не общаюсь на репетиции с актерами так научно. Моя книга не о репетициях, а о том, как помочь актеру избавиться от зажима. Я искренне верю, что научить актерскому мастерству невозможно. Можно помочь актеру избавиться от того, что мешает ему играть хорошо, — вот и все. С другой стороны, конечно, есть великолепные педагоги по актерскому мастерству. Но они не столько приносят нужное, сколько отсекают ненужное. Мне думается, полезно представлять себе процесс обучения именно так. Главное для актера — видеть и связываться с партнером.

— Я слышал, что на первых репетициях «Бориса Годунова» вы просили актеров изобразить разные геометрические фигуры. Это помогало освоить трагедию Пушкина?

— Не помню такого. Наверное, я давал какие-то упражнения для разминки, для разогрева. Когда набираешь труппу из людей, которые никогда не знали друг друга, тебе нужно помочь им установить эмоциональные связи. Актер — это не водопроводчик, сыграть роль — не канализацию починить. Актеру нужно помочь расслабиться. Для этого существуют разные упражнения.

«В ДЕРЕВНЕ МОЕГО ПАПЫ ДОКТОРОМ БЫЛ ОТЕЦ ОСКАРА УАЙЛЬДА»

— Однажды вы сказали странную фразу: «Искренность — опасное слово». Что вы имели в виду?

— Я считаю, что правда очень важна, а искренность — странное слово для меня. Английское слово «искренность» происходит от латинского, которое значит «бесформенный». Я это слово использую нечасто. Я предпочитаю слова «правда» и «ложь».

— Какой у вас, ирландца, любимый парадокс вашего земляка Оскара Уайльда?

— Их так много! Я расскажу вам вот что: мой папа родом из очень-очень древней ирландской деревни. Моя мать тоже родом из такой же старой деревни, но другого района Ирландии. В деревне моего папы деревенским доктором был отец Оскара Уайльда. Семья моего отца была небедной и могла себе позволить услуги отца Уайльда, знаменитого офтальмолога.

У Оскара Уайльда есть великолепное эссе, которое мало кто читает, потому что заголовок ужасен: «Душа человека при социализме». Почему он так назвал свое произведение — да бог же его знает! Тем не менее, дав своему эссе такое название, он застраховался от прочтения его миллионами. Но в этом эссе он пишет потрясающие вещи. Один из любимых моих пассажей в этом эссе — что природа всегда следует за искусством, а не наоборот. И в некотором смысле он прав. Наше восприятие природы часто зависит от тех произведений искусства, которые нам довелось увидеть. Мы по-новому воспринимаем природу благодаря художнику. Есть очень забавные парадоксы у него: «Я могу противостоять чему угодно, только не искушению». Еще мне очень нравится цитата из его комедии «Как важно быть серьезным», там одна героиня говорит о другой: «После смерти мужа ее волосы совсем позолотели от горя».

— Когда вы, адвокат по образованию, впервые оказались в зале суда, надев мантию и парик, не возникло ощущения, что вы в театре?

— Конечно, возникло. Честно говоря, я проработал адвокатом только шесть месяцев. Но у меня есть мантия и парик. И как настоящий театральный профессионал, как только я почувствовал на себе костюм — мантию и парик, — я понял, что этого мне уже хватит.

— Как ваши родители отнеслись к тому, что вы увлеклись театром?

— Они никогда не относились к этому серьезно.

— А сейчас?

— Мой отец умер. Я думаю, что моя театральная карьера интересовала бы его гораздо больше, чем мою мать. У него была своя любительская театральная группа, еще в Ирландии. Мои родители встретились, когда мой отец на западе Ирландии давал спектакль со своей труппой. У отца всегда была тяга к театру. Но по большому счету я не из театральной семьи. Однако и русские, и ирландцы едины вот в чем: мы очень много играем в обычной жизни. И проблема, с которой сталкиваются обе наши страны, в том, что все претендуют на главные роли. И нет ни одного, кто согласился бы на роль второстепенную. Каждая бабушка в коридоре по натуре звезда. Это очень человеческая история, она развлекает, не дает скучать, но жизнь не кажется хорошо организованной при такой ситуации *(смеется)*. Второстепенные актеры тоже нужны — и в театре, и в жизни.

— Часто ли вам приходилось чем-то в себе поступаться, следуя сначала указаниям учителей, родителей и так далее, — в течение жизни этих фигур появляется немало.

— Большой вопрос. И мне кажется, в нем есть что-то важное именно для вас. Для меня это тоже один из самых главных вопросов. Как ни странно, в детстве меня почти не притесняли. Родители не заставляли меня учиться на адвоката, еще на кого-то. Мне не нужно было сопротивляться этому воздействию. Я иногда работаю в больших организациях, но очень высоко ценю свою свободу. Я довольно многим пожертвовал в своей жизни, чтобы быть свободным. Это оказалось не так тяжело, как можно подумать. Главное — начать. Чтобы серьезно начать думать над этим вопросом, следует перечитать Библию и уделить особое внимание отрывку, который не любят ни цитировать, ни задумываться над ним. Это звучит так: «Пока человек не оторвется от близких своих, от матери, от отца, он не получит жизнь вечную». И когда молодой Иисус предлагает юноше следовать за собой, тот ему отвечает, что должен сначала похоронить отца. А Иисус говорит страшную вещь: «Предоставь мертвым хоронить своих мертвецов». Ничего тут не могу добавить. Если внимательно читать Евангелие, то там можно найти много шокирующих вещей. И самые интересные отрывки — те, которые очень нервируют современного человека.

— Никогда не хотелось вам поставить одно из Евангелий или просто сцены из Нового Завета?

— Хотелось. Но я этого не сделаю.

ФОТО AP